

Афонасенко И.М.

«Серые кардиналы» и «багровые реки» русской геральдики XVIII-XIX вв.

Удивительной особенностью геральдики Российской империи было то обстоятельство, что достаточно продолжительные временные промежутки ее судьбу во многом решали не герольдмейстеры и не управляющие Гербовым отделением, а люди более низких чинов и званий – «серые кардиналы» – которые когда-то открыто, а когда-то полностью в тени определяли направления развития отечественного герботворчества XVIII-XIX вв. Не менее интересен и тот момент, что «воля случая» играла в русской геральдике не меньшее значение, чем целенаправленная государственная политика, а судьбы российских геральдистов, за редким исключением, вряд ли можно назвать счастливыми, как и их проекты такими уж долговечными. Сразу вспоминается фраза – «Мы господа и рабы, мы везде и нигде... мы повелители багровых рек».

Сама институциональная история российской прикладной геральдики, фактически, началась не с создания Герольдмейстерской конторы при Правительствующем Сенате и назначения первым герольдмейстером С.А. Колычева, а с определения 12 апреля 1722 г. (*Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1873. Т. 11. С. 464*) на должность товарища герольдмейстера итальянского графа Франциска Санти (Франц Матвеевич Сантий), который и был приглашен «особливо для сочинения гербов» (*РГАДА. Ф. 286. Оп. 2. Кн. 39. Л. 72*). Хотя и до этого в России создавались и жаловались родовые гербы в дипломах (*Афонасенко И.М. «... Жалуем ему нижеследующий дворянский герб» // Военно-исторический журнал. 2021. № 4. С. 74-76, цв. вкладка*), ранее этим ведали Коллегия иностранных дел и Разряд. Но именно с этого момента и до 1727 г. теперь граф Санти определял геральдическую политику страны, хотя официальную должность герольдмейстера занимали сначала С.А. Колычев, а потом И.Н. Плещеев. Деятельность Ф. Санти довольно подробно освещена в отечественной историографии и его по праву считают одним из первоходцев российского дворянского герботворчества, а его теоретические труды, такие как «Известия, касающиеся до геральдики» (*РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 42. Л. 978-985*) и «Проект Генерального регламента для Геральдической канцелярии» (*РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 42. Л. 1018-1051*), заслуживают отдельного внимания. Плодом его работы явились около 100 проектов территориальных гербов России (*РГАДА. Ф. 286. Оп. 2. Кн. 39. Л. 66-67об.*), государственные и ведомственные печати, а также самые интересные образцы жалованных грамот на дворянство и герб. Однако итог оказался плачевен, герольдмейстеру И.Н. Плещееву не нравилась такая активность и самостоятельность его заместителя – после смерти Екатерины I граф Санти был заподозрен в причастности к антиправительственному заговору и после манифеста 27 мая 1727 г. был лишен всех должностей и сослан в Сибирь, а И.Н. Плещеев удостоен высочайшего благоволения и через год пожалован чином тайного советника.

Василия Евдокимовича Адодурова, в качестве переводчика и канцеляриста, Герольдмейстерская контора начала привлекать к своей работе еще в годы его учебы

при Академии наук. В.Е. Адодуров был знаком и с Ф. Санти. Но расцвет геральдической деятельности Василия Евдокимовича пришелся на более поздний период. В 1741 г. из Академии наук он был направлен в Герольдмейстерскую контору ассесором, а позднее назначен на должность товарища герольдмейстера при бригадире Н.М. Желябужском (*РГАДА. Ф. 286. Оп. 2. Кн. 3. Л. 218 об.*). Адодуров активизировал деятельность конторы сразу по всем направлениям – создание библиотеки и архива, аккумуляция всех проектов гербов за предшествующий период, текущая работа по созданию дворянских и полковых гербов. В этот период была проведена значительная работа по систематизации накопленных геральдических собраний и проектов знамен, эмблем и гербов. Главным творением Адодурова можно считать создание огромного комплекса лейб-кампанских гербов, которые отличались своей самобытностью и уникальной структурой. Лейб-кампанские гербы несли огромную смысловую нагрузку, соединив в себе и награду, и корпоративный знак, и гласный герб, и особую милость монарха, и родовую эмблему с личными и профессиональными символами. Впервые гербы разделились по группам: происхождению армигера (история), его основному занятию (профессия) и родовому имени (название). Весь этот геральдический комплекс в целом и каждый герб в отдельности представлял собой первую в российской истории уникальную единую геральдическую аугментацию с почетными элементами в столь символической и торжественной форме (см. далее про герб города Костромы). Эта работа оказала несомненное влияние на всю отечественную геральдику и вексиллологию второй половины XVIII – начала XIX вв. (*Афонасенко И.М. «Родовой герб для верного гренадера» // Родина. 2021. № 11. С. 126-129*). В планах Адодурова было и создание полного комплекта российских городских гербов (до окончания работы по лейб-кампанским гербам это было не возможно начать чисто физически, российская Герольдия всегда испытывала дефицит кадров и финансирования), но по воле случая Василий Евдокимович повторил незавидную судьбу своего предшественника. В 1753 г. В.Е. Адодуров был назначен герольдмейстером, однако перестав быть «серым кардиналом» и выйдя из тени он потерял свою удачу – уже через несколько лет попал в опалу и был снят с занимаемых должностей. Большинство геральдических начинаний Адодурова так и остались незавершенными.

Следующим этапом в истории российской геральдики стало время правления Екатерины II. Это период расцвета территориальной геральдики, и он связан с именем Иоганна Карла фон Эндена (Иван Иванович Энден), который с 26 января 1772 г. по 1781 г. (*Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето 1781. СПб., 1781. С. 26*) в чине коллежского советника исполнял должность товарища герольдмейстера при герольдмейстерах М.М. Щербатове и А.А. Волкове (*РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 571. Л. 139-141*). Свою деятельность он начал с переосмысления и исправления большого количества проектов городских гербов, которые скопились с Герольдмейстерской конторе за предшествующий период. Особый интерес проявлял к полковым знаменам, которые, первоначально, считал основой для создания будущих территориальных гербов. Изменил стилистику московского герба. Фактически, весь массив городских гербов 1772-1781 г. был создан или переработан при непосредственном

участии фон Эндена или вообще им единолично. Показательно, что пик высочайшего утверждения городских гербов приходится именно на 1780-1782 г., т.е. был узаконен весь массив герботворческой деятельности товарища герольдмейстера. Самым известным и значительным нововведением фон Эндена стало двухчастное деление городских гербов, где в обязательном порядке присутствовала часть с наместническим гербом. Впервые такое правило было применено им при создании гербов Ярославского наместничества, в указе от 20 июня 1778 г. говорилось, что «в сочинении же он держался главным предметом в каждом новом городе иметь часть герба Ярославля с некоторым по приличеству каждого названия, где можно было, прибавлением» (*ПСЗ-1. Т. XX. № 14765*). Такое деление было очевидно введено не случайно и, с одной стороны, символически и знаково отражало иерархичность системы управления – от императорского/государственного пожалования (сам акт жалования и корона) к наместничеству/губернии (верхняя часть) и далее городу/уезду (нижняя часть), а с другой стороны, имело вполне практическое применение – размещение на печати, знаке, клейме или предмете такого герба сразу указывало какой губернии и городу принадлежит учреждение/чиновник/вещь даже без размещения пояснительной надписи с названием, что чрезвычайно удобно на небольших предметах (печатах в первую очередь, поскольку они применялись всегда и везде). Однако, геральдическая деятельность Эндена была неожиданно прервана его непосредственным начальником – герольдмейстер А.А. Волков не захотел находиться в тени своего «товарища» и постепенно оттеснил заместителя от создания гербов, перетянув на себя все лавры главного герботворца екатерининского времени. В 1781 г. фон Энден был пожалован чином статского советника и переведен в Третью экспедицию (*Месяцеслов ... 1781. С. 26*).

Здесь считаем необходимым сделать отступление и внести небольшую ремарку в вопрос изучения практической работы Герольдмейстерской конторы в сфере территориальной геральдики второй половины XVIII в. Дело в том, что большинство исследователей отечественной городской геральдики указанного периода рассматривают процесс разработки и утверждения территориальных гербов в отрыве от аналогичного процесса в отношении дворянских гербов. Что, зачастую, в корне не верно. В первую очередь нельзя забывать, что и дворянские и городские и губернские гербы разрабатывали в одном и том же учреждении, в одно и то же время, одни и те же люди. При этом, если первое высочайшее утверждение именно городского герба (Кострома; хотя титульные и полковые гербы уже существовали – *Емелин И.Б. Герб Костромы XVIII в.: история создания // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 104. СПб., 2021. С. 128-133*) произошло только в 1767 г., то количество разработанных Герольдмейстерской конторой и высочайше утвержденных российскими монархами дворянских гербов к этому времени уже приближалось к четыремстам (лишь к 1790 г. цифры примерно выровняются, но затем количество высочайше утвержденных дворянских гербов вновь заметно увеличится и будет значительно опережать городские до самого начала XX в.). И когда, например, речь заходит о значимости костромского герба и его уникальности как «особой милости» и «эмоциональной прихоти» императрицы, то стоит обратить внимание что несколькими годами ранее была проявлена «особая

императорская милость» к нескольким участникам переворота 1762 г. и, отдельными указами, родовыми гербами в 1763-1766 гг. были жалованы самые отличившиеся из них (письма, указы, распоряжения Екатерины II об этом так же присутствовали). Особый интерес для нас представляет указ от 24 ноября 1762 г., которым, «за особливые их услуги» (*Сенатский Архив. XI. 289*) императрице, гербами были жалованы кавалергарды Дьяков, Мерзлятьев и Толкачев (*Хоруженко О.И. Дворянские дипломы XVIII века в России. М., 1999. С. 102, 103, 300*), переметнувшиеся на сторону Екатерины в самый решающий момент дворцового переворота и лично сообщившие ей об этом. Императрица уже тогда проявила свои «эмоции» – повелела их наградить «особо» и пожаловала гербы. Интересно, что все эти три герба-аугментации также объединяет общий почетный элемент – орлиное крыло в нашлемнике (которое применялось именно «в знак Нашей Императорской милости»). Прямую аналогию можно рассмотреть и касательного периода с 1772 г., когда процесс городского герботворчества приобретает постоянный характер (*осмысление геральдики этого периода наиболее детально можно встретить в работах Е.В. Пчелова, И.Б. Емелина и А.А. Аксенова*). Так, двухчастный рассеченный щит герба г. Боровичи (2 апреля 1772 г.) вполне укладывался в уже ставший вполне традиционным для российской геральдики огромный массив дворянских лейб-кампанских гербов, которых к тому времени было разработано более двухсот. Образно говоря, Герольдмейстерская контора все 1740-е, 1750-е и начало 1760-х гг. только и делала, что рисовала двухчастные гербы, где одно поле было «в знак высочайшей милости», а второе указывало «особливо» на конкретного армигера. Аналогичная ситуация с гербом г. Вышний Волочек – использование аугментации в виде императорской короны уже десятилетие применялось конторой в дворянской геральдике, достаточно рассмотреть гербы Шкуриных, Евреиновых, Волковых и т.д. (*Хмелевский А.Н., Афонасенко И.М. Гербовник Талызина. Российские дворянские гербы XVIII века. М., 2021. С. 50-51*), а герб банкира Теодора де Смета, где императорская корона так же использована «в знак Нашей милости и покровительства», разрабатывался вообще в тот же момент времени. Ряд примеров может быть продолжен и по другим городским и дворянским гербам 1772-1778 гг. Поэтому использование тех или иных геральдических приемов в первых территориальных гербах екатерининского времени не стоит считать случайными, поскольку они вытекали из общей герботворческой практики предшествующего периода (особенно елизаветинского времени), а далее, с 1790-х гг., взаимопроникновение становится обоюдным. Это отражалось и в цифрах работы Герольдмейстерской конторы – высший пик утверждения территориальных гербов пришелся на 1781 г. (*Аксенов А.А. Дальневосточная геральдика (Дореволюционный период). Комсомольск-на-Амуре, 2021. С. 11*), при этом за 1781-1782 гг. был утвержден всего один дворянский герб (Тессоньера); времени на все разом не хватало, ограниченный состав специалистов конторы занимался разработкой либо дворянских гербов, либо территориальных, в зависимости от того, какое магистральное направление деятельности им было указано сверху в данный конкретный временной промежуток (так, в свое время, было и при Елизавете Петровне, которая узнав о том, что работа над гербами ее верных лейб-кампанцев

продвигается слишком медленно, приказала отложить всю остальную герботворческую деятельность, пока все гренадеры ни будут обеспечены гербами).

Эпоха императоров Павла I и Александра I стала в отечественной геральдике, несомненно, периодом более тихим и темным¹. Неумная жажда деятельности Павла I привела к тому, что в наследство своему сыну он оставил множество подготовленных, но высочайше не утвержденных, дворянских дипломов и огромные планы в городской и государственной геральдике, которые дошли до нас только в проектах. Несомненным событием стало учреждение «Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи», создание которого связано с еще одним малоизвестным именем. Матвей Федорович Ваганов, вступив в 1782 г. с гражданскую службу (*Список чинам в гражданской службе... 1820. Ч. I. С. 121*), с 1797 г. по 1821 г. прошел путь от секретаря Герольдии и вапенрихтера до товарища герольдмейстера (с 1804 г. в чине статского советника, с 1819 г. в чине действительного статского советника). Именно Ваганов стал создателем первых девяти томов Общего гербовника и начинал готовить десятый. Он, вместе с Евграфом Кузьмичом Кроминым, разработал саму концепцию будущего гербовника и провел огромную подготовительную работу – были обработаны ответы из губернских дворянских собраний, изучены материалы архива и родословные росписи, подготовлен к печати основной массив высочайше утвержденных дворянских гербов XVIII в. Фактически, М.Ф. Ваганов был создателем классического блазона русской геральдики, который утвердился с первых томов Общего гербовника и применялся официально до начала XX в. (во многом используется и сейчас²). Дело в том, что Матвей Федорович не стал использовать блазонную манеру Л.И. Талызина, с его обширной «пояснительно-расшифровочной» частью, но лаконичностью рисунков (см.: *Хмелевский А.Н., Афонасенко И.М. Гербовник Талызина... М., 2021*), а применил более сокращенную и аллегоричную формулу описаний (где значение отдельных фигур в гербе не поясняется), которая отличалась и от блазонов в жалованных грамотах первой половины XVIII в., но сами рисунки делал более детальными, с особым вниманием к внешним элементам (при этом, генеалогические справки на страницах Общего гербовника не выдерживают критики, а расхождения между рисунком герба в оригиналах дипломов и гербовнике не редкость). Таким образом, с легкой руки Ваганова, отечественная геральдика свернула на путь «темноты» блазона, и атрибуция фигур в щите стала неотъемлемой частью гербоведения России.

С созданием в 1857 г. особого Гербового отделения внутриведомственная ситуация изменилась, теперь по «Инструкции о порядке делопроизводства в Гербовом

¹ В конце XVIII в. в Герольдмейстерской конторе было 25 служащих: герольдмейстер, 2 его товарища (заместителя), 1 секретарь, 1 переводчик, 1 протоколист, 1 регистратор, 12 канцелярских чиновников, и, для создания дипломов (грамот), работало 2 живописных мастера, 2 живописных подмастерья и 2 канцеляриста. К концу XIX в., по высочайше утвержденному 12 января 1893 г. мнению Государственного Совета, штат Департамента Герольдии состоял из 24 служащих: герольдмейстер, 1 его товарищ, 3 обер-секретаря, 8 помощников обер-секретарей, 1 секретарь, 1 архивариус, 1 его помощник, 1 протоколист; управляющий Гербовым отделением, 1 секретарь, 1 библиотекарь, 1 казенный художник и 3 художника без содержания. Кроме того, на наем канцелярских чиновников еще «ассигновалось 6000 руб.» в год.

² В официальной истории Сената указано – «Наше законодательство почти вовсе не коснулось геральдики, и руководством для учреждений, заведующих гербовым делом, служили и служат почти исключительно существующие в геральдической науке общие правила» (*История Правительствующего Сената за двести лет... СПб., 1911. Т. IV. С. 388*).

отделении...» (РГИА. Ф. 1343. Оп. 15. Д. 73. Л. 1-2) обсуждение проектов гербов проходило в Присутствии отделения, где одинаковое право голоса имели все три члена. Поэтому действительного статского советника Степана Ивановича Афонасенко (председательствующий Присутствия Гербового отделения), статского советника Осипа Егоровича Франка, статского советника Василия Васильевича Ленца, коллежского асессора Василия Ивановича Раевского, статского советника Николая Николаевича Колесова, статского советника Егора Густавовича фон Платера, статского советника Егора Александровича Кеммерера и действительного статского советника Адольфа Васильевича Тилезиуса фон Тиленау (Афонасенко И.М. *Геральдисты 1850-х – 1880-х гг. Департамента Герольдии Правительствующего Сената // Гербоведение. Т. IX. М., 2021. С. 36-43*) сложно назвать «серыми кардиналами», поскольку они хоть и не являлись управляющими Гербовым отделением или герольдмейстерами, но именно они официально и по долгу службы стали создателями большинства городских и дворянских гербов второй половины XIX в. наравне с бароном Б.В. Кене и графом Л.М. Муравьевым. Хотя в литературе вопрос об их вкладе в геральдику отражен слабо.

Однако, не смотря на сложившуюся в историографии довольно отрицательную оценку личности барона Бориса Васильевича Кене (Бернгард Карл фон Кене), не упомянуть его не возможно. Потому что сильнее его тщеславия была только его кипучая жажда деятельности. Воздержавшись от оценки его научно-исследовательской и чиновнической карьеры, упомянем, что Б.В. Кене был одним из создателей новой системы территориальной геральдики России. Во-первых, он стремился придать унифицированность и системность русскому герботворчеству, этому служила и попытка приведения в соответствие с европейскими правилами геральдики всех российских эмблем и разработанная система статусных внешнетовых украшений и написанные им инструкции по составлению дворянских (РГИА. Ф. 1493. Оп. 1. Д. 19) и территориальных гербов в Департаменте герольдии и создание официальных государственных геральдических символов империи (Пчелов Е.В. *Создатель герба Российской империи (Барон Б.В. Кене: штрихи к портрету) / Российский государственный герб: композиция, стилистика и семантика в историческом аспекте. М., 2005. С. 80-86*). Во-вторых, произошел отказ от екатерининской (энденовской) системы двухчастных городских гербов с губернским верхом, теперь оригинальная городская геральдическая эмблема была основной в щите, а губернский герб переместился в вольную часть и указывал только на административно-территориальную принадлежность города-армигера, а не на его подчиненное состояние. В-третьих, барон задумывал создание гербов для личных дворян и потомственных почетных граждан, что должно было стать революцией в русской родовой геральдике – «Личные дворяне имеют железные шлемы с золотыми украшениями и золотыми гривнами на Андреевской ленте. Потомственные почетные граждане имеют железные шлемы с серебряными украшениями и золотыми гривнами на Александровской ленте. Личные дворяне имеют корону о трех зубцах без жемчужин. Потомственным почетным гражданам корона не представляется. Личные дворяне имеют на своих шлемах только короны или венки, без нашлемника. Потомственные почетные граждане не имеют на своих шлемах ни

короны, ни венка, ни нашлемника» (РГИА. Ф. 1343. Оп. 15. Д. 74. Л. 1-2). А, последнее, но самое главное, Б.В. Кене был создателем (в том числе в соавторстве с членами Присутствия Гербового отделения) более 900 проектов городских и губернских гербов Российской империи, которые более полувека являлись символами русских земель и которые, во многом, являются основой для современной территориальной геральдики России. И здесь мы возвращаемся к вводной мысли нашего исследования – «начинали за здравие, закончили за упокой» – большинство гербовых проектов авторства Кене так и не были высочайше утверждены. Разработанные Гербовым отделением во главе с Борисом Васильевичем и утвержденные на заседании Присутствия, они с подписью герольдмейстера направлялись в министерство юстиции, а дальше... ложились на пыльную полку. С 1862 по 1867 гг. не был утвержден ни один территориальный герб (Аксенов А.А. *Дальневосточная геральдика...* 2021. С. 47), кроме того, именно городские гербы вновь стали высочайше утверждаться только в 1870 г. (бесславный закат карьеры Кене произойдет уже позднее, при императоре Александре III). Дело в том, что в 1862-1867 гг. пост министра юстиции занимал Дмитрий Николаевич Замятин, один из наиболее активных деятелей судебной реформы, который в 1840-е гг. находился в должности герольдмейстера и с плохо скрываемым неприятием и отторжением воспринимал все нововведения Кене в этой области, а также полагал, что «прусская» геральдическая реформа новопожалованного рейсс-грейцкого барона чужда русской традиции и дискредитирует его собственную прошлую работу во главе Герольдии. Д.Н. Замятин просто перестал давать дальнейший ход всем проектам начальника Гербового отделения (в это время императору Александру II было чем заняться в ходе его Велики реформ и без гербов), и теперь Борис Васильевич продолжал писать свои «записки» о гербе очередного города уже просто «в стол», а после конфликта Б.В. Кене с С.И. Афонасенко и Н.Н. Колесовым по вопросу герба Кяхтинского градоначальства (в ходе которого Дмитрий Николаевич встал на сторону Афонасенко), министр только укрепился в своем мнении.

Отдельной ремарки заслуживает деятельность д.с.с. С.И. Афонасенко на посту инспектора и заведующего Сенатским архивом в 1856-1864 гг. Дело в том, что вступая в эту должность Афонасенко провел ревизию и, рапортом от 9 октября 1856 г. на имя министра, доложил о состоянии дел во вверенном ему учреждении (*Памятная книжка Сенатского Архива. СПб., 1913. С. 15, 110*). Уже после первоначальной проверки, им было выявлено, что, например, дела «за время с 1801 по 1834 год ... почти все не перенумерованы, не сшиты, без частных описей и без алфавитов», а общее количество не сверенных, утерянных или ошибочно уничтоженных по списанию дел за все предшествующие десятилетия еще только предстояло установить. Такое плачевное состояние дел в Государственном архиве Правительствующего Сената нас интересует прежде всего по тому, что это обстоятельство может пролить свет на несколько казусов российской геральдики. Удивительно, но до 1845 г. Сенатский архив считался довольно второстепенным учреждением, руководился секретарем и имел очень ограниченный штат и бюджет. Распоряжения о тщательном учете и бережном хранении всех поступавших документов (в том числе именных императорских указов)

выполнялись не своевременно и не качественно, а выдача справок порой затягивалась на месяцы и годы; не удивительно что исполнение запросов министерств, местных органов управления и частных лиц производилось крайне неудовлетворительно. Ситуация начала меняться только после 9 апреля 1845 г., когда «главное заведывание» было возложено на вновь введенную должность инспектора и были существенно увеличены штат и финансирование. Именно поэтому первые инспекторы архива – Христианович, Звенигородский и Афонасенко несколько десятилетий налаживали работу своего учреждения (именно тогда были систематизированы и подшиты гербы с указами). Среди материалов, разбором и восстановлением которых занимались инспекторы были высочайшие указы Екатерины II, Павла I, Александра I и дела «из Герольдии – 33743 ед.» (*Сенатский Архив. VII. 4*). Таким образом, служебные записки и рапорты С.И. Афонасенко, посвященные состоянию дел в архиве, с одной стороны, позволяют объяснить наличие огромного количества несоответствий в описаниях и рисунках гербов, подготовленных как для Полного собрания законов Российской империи, так и для Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи, и многочисленные ошибки при копировании екатерининских территориальных гербов для публикации и для рассылки по запросам центральных и местных органов власти, а с другой стороны, помогают понять отсутствие в «Сборнике высочайше утвержденных городских и местных гербов» («Гербовник Рейтерна») оригиналов высочайше утвержденных городских гербов до 1841 г., как и неопределенность местонахождения многих жалованных грамот. Даже если не учитывать общий бюрократический бардак в России XVIII – первой половины XIX в., то конкретно в сенатских Герольдии и архиве, после Л.И. Талызина (его теоретической и практической внутриведомственной кодификации конца 1780-х – начала 1790-х гг.; утраченных и забытых его преемниками) и вплоть до С.И. Афонасенко и Б.В. Кене (1850-е гг.) был перманентный канцелярский хаос. Поэтому и приходилось создателям премьерных томов ОГ и первого издания ПСЗ зачастую работать с вторичными источниками в самом Сенате, а также с копиями и перерисовками из министерств и местных органов – когда оригиналы указов, законов, грамот и патентов просто не смогли найти в Сенатском архиве. И не было ни одного чиновника способного упорядочить этот хаос (образно говоря, избавить всех бобров от их тигро-бабровых полосок).

Однако, в конце XIX в. в Гербовом отделении был человек, который не занимая высоких должностей, оказал огромное влияние на развитие и систематизацию российской геральдики. В 1880-х – 1890-х гг. вся техническая работа в отделении осуществлялась секретарем Гербового отделения титулярным советником Виктором Эдуардовичем Горном (в должности в 1884-1904 гг., с 1893 г. в чине коллежского ассесора, с 1897 г. в чине надворного советника), который также принимал участие в деятельности Общества любителей древней письменности (*Адрес-Календарь. 1903 г. Ч. 1. Спб., 1903. С. 122*). Еще при герольдмейстере Евграфе Евграфовиче Рейтерне в Гербовом отделении Департамента герольдии начался процесс внутриведомственной кодификации и теоретической систематизации геральдической практики предшествующего периода. Этот процесс продолжился и при его преемниках на посту ге-

рольдмейстера – Николае Ивановиче Непорожнев, Федоре Илларионовиче Шамрае и Алексее Александровиче Живковиче. Именно секретарем отделения В.Э. Горном были составлены указатель к «Общему гербовнику дворянских родов Всероссийской империи», справочник девизов высочайше утвержденных гербов российского дворянства, списки титулованным родам и лицам Российской империи и «Эмблематический сборник дворянских гербов» (РГИА. Ф. 1411. Оп. 2. Д. 606-608). Одновременно, в 1880-е гг. была начата подготовка к составлению собрания территориальных гербов Российской империи – «Сборник высочайше утвержденных городских и местных гербов», так называемый «Гербовник Рейтерна» (РГИА. Ф. 1411. Оп. 1. Д. 3-7), а в 1890-е гг. при участии В.Э. Горна художниками Александром Александровичем Фадеевым и Алексеем Васильевичем Серебряковым был создан «Сборник высочайше утвержденных дипломных гербов российского дворянства» (РГИА. Ф. 1411. Оп. 1. Д. 66-85). Степень же его участия в процессе создания новых гербов еще только предстоит изучить исследователям (огорчает тот факт, что геральдическая карьера Горна неожиданно оборвалась в 1904 г., и отечественная геральдика лишилась талантливого энтузиаста).

Кроме того, нужно сказать, что определенное влияние на кодификационную деятельность Гербового отделения конца XIX в. оказали работы двух известных европейских геральдистов – в России был хорошо известен основополагающий для европейской дворянской геральдики «*Armorial Général*» голландского геральдиста Йоханнеса Баптисты Рьетстапа (1828-1891) и, созданный на его основе, семитомный «*Dictionnaire des figures héraldiques*» известного бельгийского геральдиста графа Жана Луи Теодора де Ренесса (1854-1927), преуспевшего и в своей политической карьере. Эти общеевропейские тенденции к систематизации и кодификации геральдического наследия были активно переняты отечественными геральдистами, в частности, практическая деятельность В.Э. Горна, а позднее и В.К. Лукомского (тему его послереволюционных мытарств поднимать даже не будем) четко на это указывают.

В целом необходимо отметить, что роль личности в истории российской геральдики всегда была чрезвычайно высока, как и роль случая (чаще «несчастливого»). Отсутствие долгосрочной геральдической политики было одной из концептуальных проблем русского герботворчества. Российская геральдика развивалась хаотично и от этапа к этапу могла испытывать как периоды застоя, так и пики развития, могла несколько раз поменять вектор и направление. И значительную роль в ее жизни сыграли люди «второго плана», которые находились в тени. Во многом это были энтузиасты, которые работали на благо геральдики более вопреки чем благодаря, или талантливые случайные люди, которые переместились в Герольдию лишь по служебному табелю, но в итоге оставили значительный след в отечественном герботворчестве. И, конечно, нельзя не упомянуть о «тайнах» и «белых пятнах» русской геральдики (а их, ой, как много), которые вот уже второе столетие разгадывают историки, и которые появились именно из-за того, что перманентный бюрократический и институциональный бардак, отсутствие системы и долгосрочной выверенной государственной политики в области геральдики стали нормой российской действительности.